

Андрис Лагздукалнс

Последняя игра Наполеона

Книга вторая

Часть первая

Амазония

Колумбия, ноябрь 1904 года

В конце ноября 1904 года, в порт Картахены, зашел пассажирский корабль, судоходной французской компании «Синяя птица» — «Уверенный». На борту судна, к далеким берегам Колумбии, прибыли несколько партий старателей, привлеченных изумрудной «лихорадкой», двадцатка врачей и группа немецких колонистов в составе шестисот тридцати человек. Колонисты, ведомые падре Колле и кюре Готелем, принадлежали к ордену «Святого Ливария», основанному предками Колле, четыре века назад, на юге Германии. И если поначалу в члены ордена, принимались лишь лица дворянского сословия, то к концу девятнадцатого века, основной состав составляли ремесленники и зажиточные крестьяне-хуторяне, разбавленные слегка интеллигенцией. И все чаще звучало слово община,

вместо гордого слова — орден.

В путь они стронулись по повелению Господа, явившего видение о новых землях Колле и указавшего ему маршрут к заброшенному городу «нечестивых», недавно обнаруженному археологической экспедицией, в Амазонской сельве. На этих землях Господь, указал Колле основать поселение и обратить в христианство местные племена язычников. Объявив волю Господа, единоверцам, пастор собрал желающих отправиться к неведомым землям и прославить свои имена в церковных канонах. Переселенцы ехали с детьми, домашним скарбом и скотом. В экспедиции было два врача и три фельдшера. Два инженера, профессор-историк, геолог и агроном с ветеринаром. Остальной состав экспедиции, составляли крестьяне и рабочие, увлеченные заманчивыми посулами, глашатая Господа. Средства для приобретения необходимого снаряжения, продовольствия и оплаты проезда, выделил Западногерманский патриархат. Остальное приобреталось на средства переселенцев и сбережения ордена.

Выгрузившись в Картахене, экспедиция, наняв проводников индейцев, обзавелась вьючными животными, телегами, носильщиками, повозками и отправилась в путь. С большим трудом добравшись до Боготы, колонисты преодолели отроги

Кордильер и спустились в долину к городку Виллавиценцио. Здесь они столкнулись с первыми трудностями. Хотя нельзя сказать, что их предыдущий путь был легким. Но он шел по проторенным дорогам, мощеным камнем, или проложенным по горным ущельям. Дальше им предстояло идти, по раскисшей от дождей красной земле, в узких, прорубленных в сельве просеках. Индейцы проводники и носильщики, отказались идти вперед, требуя прибавки к оплате. Пришлось искать других. Падре, не смотря на Божий глас, упал духом. Руководство экспедицией взяли на себя геолог — Гюнтер Штосс и Ганс Шмидт — инженер. Они нашли вождей местных индейских племен и договорились о проводниках и носильщиках. Узнав о цели экспедиции, некоторые из индейцев, ранее принявших христианство, согласились примкнуть к переселенцам, в результате, количество участников увеличилось до семисот пятидесяти человек. Телеги были оставлены. Остались только одноосные повозки. Весь груз несли на себе ламы и индейцы носильщики. Через неделю после прихода в Виллавиценцио, экспедиция двинулась дальше.

Дальнейший переход, впоследствии большинство участников, вспоминали не иначе как — Кару Божию. Продвижение по дорогам, ведущим через сельву, доставляло массу трудностей, для привыкших к европейскому климату людей.

Москиты, муравьи, пауки, змеи. Ядовитые сороконожки и прочая мерзкая живность, сделали адом продвижение вперед. Но это было только начало. Дойдя до последнего населенного пункта цивилизации — поселка Каламар, экспедиция устроила привал. Дальше начинались непроходимые леса Амазонской сельвы. Неодолимой преградой встали они на пути экспедиции. Растительность в пять ярусов. Деревья высотой от тридцати до семидесяти метров, своими кронами закрывали небо. Влажность. Отсутствие солнца.

Гюнтер и Ганс, организовали два отряда первопроходцев и, снабдив их провизией, отправили вперед, пока основной состав каравана, отдыхал. Ганс пошел вместе с одним из отрядов, корректируя направление. Им необходимо было найти каменную дорогу, ведущую к городу. Несмотря на века, прошедшие с момента ее строительства, судя по отчету экспедиции археологов, обнаруживших город, дорога сохранилась в прекрасном состоянии. Первыми шли индейцы, привычные к работе с мачете. Трудность заключалась в том, что им нужна была не тропа, а просека, по которой могли двигаться повозки и вьючные животные.

Красная земля, была укрыта опавшими, гниющими листьями. Лианы, высоченные

папоротники, стволы гевеи и прочая поросль, в своем переплетении создавали непроходимые заросли. Иногда в день, удавалось продвинуться вперед на два три километра не больше. Работа была изматывающая. Целый день, махать тяжелым мачете, непривычным европейцам было страшно тяжело. Начались болезни. Любой порез, превращался в гноящуюся рану. Но, тем не менее, они день за днем, упорно шли вперед.

Это решение ускорило продвижение экспедиции. И через неделю, они добрались до берега Ваупеса. Падре предложил устроить недельный привал, но Гюнтер категорически отказался выслушивать стенания служителя церкви. Им необходимо было спешить. Во влажном климате, стали портиться запасы провизии. Мука покрывалась плесенью и превращалась в клейкую массу. С сахаром тоже была беда. Мало того, что от избытка влаги он кусковался или проступал сквозь дерюжную ткань мешков, так еще и стал любимой добычей муравьев. В одну ночь, полчища красных и желтых насекомых, полностью покрыли одну из повозок с продовольствием. До утра, в повозке остались лишь несколько обгрызенных кусков ткани. Впредь на стоянках, вокруг лагеря, сплошной цепочкой выкладывались костры, огонь в которых поддерживали дежурные. Набеги прожорливых насекомых прекратились.

Но все равно переправа заняла три дня — пришлось сооружать плоты. На переправе через реку колонисты понесли первые потери. Плот, на котором перевозился скот, добрался до середины реки. Один из индейцев, работая шестом, поскользнулся на мокрых бревнах и упал. Его падение испугало овец и две из них, перепрыгнув через хлипкое ограждение загона, упали в мутные воды реки. Двое колонистов, не смотря на протестующие крики индейцев, тут же прыгнули за ними. Плот остановили. Перепуганные овцы, бешено колотили по мутной воде копытцами, взбивая пену и не давая тем самым, приблизиться к себе. Стремительное, длинное, грязно-зеленое тело, выскочив из воды, рванулось к несчастной овце, и животное исчезло под водой, схваченное чудовищной, зубастой пастью, огромного черного каймана. Пораженные ужасным зрелищем застыли колонисты, двое мужчин в воде с опаской озираясь по сторонам, попытались подплыть к оставшейся овце, но не успели.

Их внимание привлекли крики индейцев, указывающих руками на поверхность реки. На речной глади возникла рябь, пятно неопределенной формы, длинной метров пять и в диаметре метра три. Пятно стремительно приближалось к овечке, окружило ее, и вода вскипела. На поверхности реки, стали видны выскакивающие из воды

небольшие, стремительные тельца. Грязная вода, вокруг несчастного животного уже не блявшего, а орущего, от невидимых укусов в предсмертной агонии, окрасилась в розовый цвет. Двое мужчин, что было сил, поплыли к плоту. Овца исчезла под водой, а пятно разделилось на две части. Большая часть двинулась следом за пловцами, вторая, меньшая часть осталась на месте исчезнувшего под водой животного.

Младший из пловцов, первым добрался до края плота и его вытащили на мокрые бревна. Старший, с трудом пытался преодолеть оставшиеся несколько метров, когда пятно догнало его. Над рекой раздался душераздирающий вопль мужчины. Не переставая кричать, он бил руками по воде. Страхивал с себя мерзкие создания, пытаясь избавиться от нападавших тварей и добраться до края плота, с которого ему протянули длинный шест. Вода вокруг него вскипала все сильнее и сильнее. Снова, маленькие тельца начали стремительно выпрыгивать из воды и, впиваясь в лицо несчастного, вырывали куски мяса и исчезали в мутных водах, окрашенных кровью. На смену им оттуда выскакивали другие. Обессилевший от боли и потери крови мужчина, вяло сопротивляясь, еще отмахивался, но вскоре, обреченно сложив руки, скрылся в мутной воде, не доплыв до шеста пару метров. Вдалеке на поверхности воды всплыл

скелет овцы, с белыми, обглоданными костями.

Пораженные ужасным происшествием, путешественники иступленно крестились и возносили молитвы к Господу. Матери, прижав к себе детей, уберегли их от созерцания гибели мужчины. Индейцы, снова взялись за шесты и погнали плот к берегу. Всплывший скелет погибшего мужчины, выловили из воды. Останки захоронили на берегу реки, после короткой поминальной молитвы.

Когда все переселенцы, скот и продовольствие, были переправлены через реку, они продолжили движение. Через день передовой отряд вышел к началу дороги, вымощенной камнями. Поверхность дороги была ровной. Ничуть не хуже мостовых в их родных местах. Сразу у края дороги, начинались непроходимые заросли и стеной стояли деревья, которые на пятнадцатиметровой высоте смыкали свои кроны, образуя зеленый тоннель, не пропускавший солнечных лучей. Но на самой каменной поверхности, между плотно подогнанных друг к другу камней не росло и травинки. Упавшие духом переселенцы, воспрянули, видя, что они продвигаются в правильном направлении. По этому случаю, падре отслужил хвалебную мессу. Но впереди еще были долгие дни пути.

К исходу девяносто третьего дня путешествия,

будущие колонисты, вышли на окраину древнего города. Обрадованные люди, падая на колени, возносили хвалу Господу. Молчаливые индейцы, невозмутимо наблюдали со стороны, за коленопреклоненными переселенцами, не выражая ни радости, ни сожаления. Войдя в город, усталые колонисты, разбили ночевку, у подножия древней пирамиды, возносившейся своей вершиной в небеса.

Наутро приступили к осмотру города. Представшие перед их глазами постройки, поражали своей величиной и фундаментальностью. Древний город, расположился на горном плато, возвышавшемся на тридцатиметровой высоте, над зеленым океаном растительности. Казалось, какой-то невидимый исполин, ювелирно вырезал овальный кусок гранитного пирога и поднял его над прилегающей местностью. В длину, плато протянулось на пять километров, в самой широкой части, расстояние между краями составляло два километра. Северной частью плато упиралось в невысокий горный кряж, южной стороной, резко обрываясь, уходило в заросли. Дикая растительность сельвы, почему-то не прижилась наверху. Две небольших рощи кофейных деревьев и дынного дерева, вот и все, что составляло растительность. Да невысокие кусты коки, в беспорядке растущие по всему плато. Гюнтер

обратил внимание, что индейцы часто жевали эти листья и попробовал сам. Терпкий, кисло-вяжущий вкус, ему понравился. Прожевав пару листиков, геолог почувствовал себя бодрее, и поделился своими наблюдениями с врачами. Кристофер Лейнц, провел исследования и порекомендовал переселенцам, добавлять эти листья в чай. Невысокое содержание тонизирующих и легко наркотических веществ, по словам Лейнца, не могло причинить вреда. Зато прекрасных лугов, с сочной зеленой травой хватало в избытке.

На плато росло также несколько высоких кустов, похожих на древовидные папоротники или пальмы. Высота отдельных растений достигала пяти метров. Толстый у основания ствол, на двухметровой высоте, расходился ветвями, оканчивающимися широкими фигурными листьями, напоминающими человеческую ладонь, или множеством тонких веток, с мелкими каплеобразными листиками. Внизу стволы были покрыты чешуйчатой корой, похожей на рыбью чешую. На некоторых ветках, висели грозди плодов, оранжевого цвета, похожие на виноградные кисти. Индейцы, при виде этих растений попадали на колени и долго молились. Потом расчистили вокруг каждого растения площадку и огородили их, чтобы домашний скот не испортил нежную кору

стволов. Называли индейцы растение: «Шасса». По преданию, эти папоротники являли собой руку Бога Солнца на грешной земле, а отвар из плодов давал чудесную жизненную силу — эликсир молодости. Гюнтер, скормил несколько плодов овечке. Животное с удовольствием их съело. Но потом свалилось замертво. Выругавшись, геолог оттащил издохшую овцу к развалинам дома, который он себе облюбовал и собрался уже освежевать ее, но обнаружил на шее пульс. Свяжав животное, он утром с удовольствием обнаружил живую и невредимую овечку. Ничего плохого с овцой в течение недели не произошло и геолог, попробовал заварить несколько плодов. Напиток ему понравился, и он ввел его в свой рацион. Поселок назвали — «Eine Quelle der Hoffnung» (Исток Надежды).

Гюнтер и Ганс, взяли на себя руководство исследованиями, планированием и строительством поселка. От прежней цивилизации, им достались множество полуразрушенных зданий, стены которых были сложены из камней, размерами, немного превышающими обычные кирпичи. Разделив переселенцев, на рабочие отряды, они занялись в первую очередь возведением жилищ, помещений для хранения запасов продовольствия. Одного инженера и сорок индейцев, отправили в Виллавиценцио, куда из Картахены, американской

транспортной компанией, должно было быть доставлено промышленное оборудование. Работа закипела.

По северному краю плато, быстро, скача, по отполированным валунам, несся горный поток, который гордо называли — «Fluss Schnell» (Стремительная река). Начало поток, брал в горах, отыскав себе путь в узком ущелье, расколовшем гранитные скалы. В месте, где поток с тридцатиметровой высоты, на краю плато, летел вниз, рабочие под руководством Ганса, устроили водоотвод, соорудили маленькую гидроэлектростанцию и установили небольшой шестидесяти пяти киловаттный электрогенератор, американской компании «Дженерал электрик». В поселке появилось освещение.

Когда через два месяца, вернулись инженер и индейцы с промышленным оборудованием, поселок имел сотню жилых домов, склады и помещения для мастерских. Работали больница и школа для детей. У подножия плато, на освобожденных от сельвы участках, красной земли, раскинулись пять полей, засеянных кукурузой, пшеницей и огородиной. Семена дали дружные всходы, которые порадовали переселенцев. Охотничий отряд, состоявших из индейцев и трех колонистов, постоянно снабжал поселение, свежим мясом. К берегу реки Апапорис, прорубили просеку и три лодки регулярно

выходили на рыбный промысел.

По настоянию падре, началось возведение кирхи. Избрали совет общины, составили свод основных положений, регламентирующих жизнь поселенцев. Выбрали судью и полицейских. Но, по сути, они были не нужны. Привычные к порядку с детства, немецкие колонисты исправно выполняли необходимую работу. Поэтому, руководство жизнью в поселке, незаметно перешло к Штоссу и Шмидту. Колонисты были рады, что кто-то взял на себя ответственность за их будущее. И жизнь в поселке шла спокойно и размеренно.

Неутомимый Гюнтер, руководя строительством, не забывал выделять время для исследований. Вместе с Гансом, они детально изучили плато и древние постройки, оставляя пирамиды напоследок. Оба исследователя, не обладали обширными познаниями в археологии и истории древней Латинской Америки. Когда-то, они читали о племенах инков, майя, ацтеков, в популистских статьях, европейской прессы. Об испанских завоеваниях Южной Америки. Прибывший с ними профессор Берлинского университета, был антропологом, и судить о происхождении и предназначении построек тоже мог с большим трудом. Вообще, толку от него не было. Исследовать было нечего. Поэтому, его отправили преподавать в школу и поручили выпуск

газеты в типографии, которую запустили после доставки печатного станка.

Жизнь в поселке стала налаживаться, а сдружившиеся Штосс и Шмидт, наконец-то могли уделить больше времени изучению древних построек. Первые открытия, поразившие исследователей, были сделаны у подножия величественных сооружений. Фундамент пирамид уходил вглубь плато. Состоял он из огромных блоков, длиной пять метров и шириной два с половиной. Высоту этих «кирпичей», измерить возможности не было, так как над поверхностью они выступали не более чем на один метр. Фундаментные блоки, были настолько плотно подогнаны друг к другу, что Ганс не смог просунуть в стык между ними, даже листок бумаги.

Внешне обе ступенчатые пирамиды были похожи. Отличаясь только сооружениями на верхушках и рядами ступеней ведущих к ним. Проведенные замеры, добавили загадок. Фундамент пирамид, представлял собой четкий квадрат размером 150x150 метров. Четыре равных грани сооружений, сходились на верхней площадке, размером 15x15 метров. Обе площадки, заканчивались строениями с оконными проемами и проходами, ведущими внутрь пирамид. В верхних точках, пирамиды, возвышались на 150 метров от поверхности плато.

Закончив расчеты, Шмидт, почесал затылок и окинул взглядом расстилавшуюся вокруг плато сельву.

— Точный расчет Ганс? — Штосс, добрался до вершины и уселся рядом с инженером.

— Точнее не бывает. Везде сто пятьдесят. Кто же это все построил Гюнтер? Как-то слабо мне верить в эти племена высокоразвитых цивилизованных индейцев. Как они все это могли вырубить, обтесать, притащить сюда и все это сложить, ведь каменоломни мы нигде в округе не обнаружили. Да еще не просто сложили, а с точной ориентировкой по сторонам света и изумительно выдержанными размерами.

— Ганс, говорят в Египте, тоже есть нечто подобное. Тоже пирамиды.

— Я видел их фотографии, зарисовки и гравюры. Там другие сооружения, абсолютно ровные грани, насколько я помню, а не такие как здесь — ступенчатые террасы. Эпоха фараонов, истоки цивилизации. Недалеко от Каира сейчас британцы, с французами голову себе ломают, да и наши соотечественники своим вниманием Египет не обошли. Но здесь.... Ты видел фундамент. Как такое возможно?

— Пока не скажу. Но блоки, уложенные в фундамент, отличаются от общего тела плато. Состав и структура, несомненно, другие. И вот, что

еще странно. Создается такое впечатление, что этот каменный овал, неизвестный великан вырезал ножом из материковой плиты, а потом вытащил вверх, да так и оставил. В ботанике я не силен. Но именно это может объяснить отсутствие на плато такой же растительности, как и внизу. Думаю, когда мы спустимся внутрь пирамид, нас там будет ждать немало открытий.

— Зачем вниз. Открытия нас ждут уже наверху. Все внутренние стены этого помещения испещрены символами, значками, какими-то закорючками. Ничего подобного, я раньше не видел. И, похоже, там маршрут есть. Ну, указания по спуску в нижние этажи. Во второй пирамиде похожие символы.

— Прекрасно. Значит, мы не скучно проведем здесь время, а то я право уже подумывал о том, чтобы поискать изумруды.

— Здесь есть изумруды?

— Не может не быть. Я провел все необходимые разведывательные работы. Заложил несколько шурфов. Результат положительный. Пока вы отдыхали в Боготе, я успел побывать в Восточных Кордильерах, в 80 км от столицы. Стонял туда с сумасшедшим янки на лошадях. Парень скупает необработанные камни у небольших артелей, а потом продает их в Штаты. Я своими глазами, посмотрел на месте в шахтах, как

ведется добыча. В тех местах были открыты основные месторождения изумрудов в Колумбии. Они являются наиболее крупными месторождениями в мире, насколько я знаю, — Гюнтер закурил и продолжил. — Изумруды в сочетании с кварцем, кальцитом и пиритом встречаются там, в низкотемпературных жилах, секущих известняки мелового возраста. Здесь, то же самое. И кроме этого....

— Что еще Штосс? Мы поселились на золотой жиле?

— Что-то вроде того. В этом горном кряже, который образовался посреди низменности, в результате сдвига тектонических плит в глубокой древности, по всей видимости, находятся залежи золота и платины. Вот посмотри, что я намыл в нашей речке Стремительной, — он протянул Гансу кожаный мешочек.

Шмидт высыпал на ладонь, содержимое мешочка. Золотые крупинки, диаметром от нескольких миллиметров, до размеров средней горошины. Тусклые серые и темно-коричневые пластинки. Несмотря на небольшой объем, вес содержимого чувствовался ощутимо. Вместе с крупинками металла, из мешочка выпали три тусклых белесых кристалла, мутно-желтоватого цвета.

— Мой Бог! — у Шмидта округлились от

удивления глаза? — Это то, о чем я подумал?

— Да. Это алмазы. Месторождение находится в заболоченной низменности, у северной окраины плато. Все как в учебниках. Голубоватая глина и все признаки кимберлита. Похоже, Господь недаром отправил сюда нашего падре. Кроме этого, на небольшом удалении, я нашел выходы каменного угля, признаки месторождений бокситов и медного колчедана. А золото и платина, по всей видимости, спрятаны в горах. Поток разрушает жилы, вымывает металл и сносит его вниз. Но об этом, — он собрал содержимое в мешочек. — Никому ни слова. Мы с тобой сможем стать партнерами и если все сделаем по уму, без спешки и истерик, то через два года, купим эту страну со всеми потрохами, правительством и индейцами.

Гюнтер спрятал мешочек в карман и, подойдя к краю площадки, счастливым взглядом посмотрел на зеленое море, со всех сторон окружавшее плато. На горный кряж. На заходящее солнце.

— Работать будем втайне от всех. Поэтому на сегодня достаточно. Завтра возьму своих индейцев, я там подобрал пять человек, смышленные, наблюдательные, много знают о местных традициях, легендах. Лишены страхов перед духами и проклятиями древних богов. Они хотят изменить свою жизнь. Перебраться из жалких лачуг на окраине леса, в города на побережье. Быть

уважаемыми людьми, жениться на европейках или американках. Парни способные. Вот вместе с ними и начнем исследования.

В наступающих сумерках, они спустились с пирамиды, прошли по центральной улице поселка, освещенной светом электрических ламп к дому, служившему им одновременно кабинетом, лабораторией и жилищем

Междуречье Ваупеса и Апапориса, граница Колумбии и Бразилии, апрель 1905 года

Исследования Штосса и Шмидта, дали свои результаты. Археологические находки, сделанные ими по мере продвижения в нижние этажи пирамид, были отложены для изучения на более поздний срок. Исследователей, в первую очередь интересовала материальная сторона этого предприятия. И им повезло. На четвертом этаже Северной пирамиды, они наткнулись на комнату, являвшуюся в древние времена то ли сокровищницей, то ли ритуальным хранилищем. А нашли они эту комнату совершенно случайно. Присев передохнуть, Ганс оперся спиной о стену. Выступающий из стены камень, неудобно давил в область лопатки. Решив перебраться в другое место, инженер начал вставать и оперся рукой об

этот выступ. Камень поддался и утонул в стене. Одновременно с его исчезновением из пола поднялся другой квадрат. Заинтересовавшись, Ганс окликнул Гюнтера. Когда геолог, закончив зарисовывать очередную группу символов, подошел, то он рассказал ему о забавном происшествии. Осмотрев поднявшийся из пола квадрат, Гюнтер осторожно на него нажал. Из стены снова показался первый камень. Выругавшись, Штосс подошел к стене и начал внимательно ее осматривать. Через некоторое время, он обнаружил еще один выступающий камень, с таким же изображением — летящей птицы, как и на двух первых. Хмыкнув, он вышел из помещения и вскоре вернулся с помощником — молодым индейцем. По его команде, Ганс стал у первого камня, Гюнтер занял позицию у второго, а индейца поставил в центре, на том месте, откуда должен был подняться еще один каменный кубик. Он кивнул головой, и они с Гансом одновременно нажали на выступы. Раздался глухой звук, как будто что-то лопнуло. Часть стены дрогнула и вытолкнутая невидимой пружиной сдвинулась вперед, открывая узкую щель. Взяв с пола керосиновый фонарь, Гюнтер поднес его к щели и заглянул внутрь. Увиденное заставило его присвистнуть от удивления. Отставив фонарь, он схватился за край плиты и стал тянуть ее на себя.

Ганс и индеец принялись ему помогать. С большим трудом, они сдвинули тяжелую плиту с места. В свете керосинового фонаря, их глазам открылась комната, почти доверху заполненная драгоценностями. Золотые маски, браслеты, подвески, головные уборы. Серьги, восьмигранные монеты и витые скипетры, рукоятки которых венчали фигурки необычных животных рассыпями лежали на каменных полках, были ссыпаны в бесформенные кучи, развешены на стенах. Глаза разбежались от блеска золота и драгоценных камней.

Штосс, умерив коммерческий пыл напарника, провел тщательную инвентаризацию и опись найденного. Выбрав несколько серег, золотых статуэток животных, в основном это были трехглавые драконы и львы с головами женщин, восьмигранные монеты с изображением солнца, Гюнтер отбыл в «командировку» в Боготу. Найдя Алекса Смита, с которым он путешествовал к изумрудным шахтам, геолог весьма дорого, сбыв товар через посредника. Смит засыпал его градом вопросов, но Гюнтер, хранил молчание, лишь улыбаясь на все предложения американца. На вырученные деньги, он докупил необходимое оборудование, открыл два счета в банке «Дойч Колумбия Интернэшнл», на свое имя и на имя Шмидта. Разместив на счетах, остаток денег, он

вернулся обратно.

В начале апреля, исследователи добрались до нижних этажей Северной пирамиды, и попали в недра каменного монолита. Коридоры исчезли. На смену им пришли лавовые каналы, пронизавшие плато, бесконечным лабиринтом. И вот здесь они нашли изумруды. Включения жил, признаки старых выработок, все было на лицо. А какие были изумруды....

Привезенное оборудование позволило, Гюнтеру и Гансу, организовать промышленную обработку камней. Сдавать за полцены, великолепные по своей чистоте и размерам камни, Штосс не видел смысла. Восемь рабочих, из числа токарей, под руководством физика, переквалифицировались в ювелиров. Падре Колле, пытавшийся все обратить во славу Господа, был поставлен «на место» — достатком, который новое предприятие давало колонистам. Им причиталась лишь пятая часть доходов, но и это моментально отвернуло сторонников падре Колле, в сторону предприимчивых Штосса и Шмидта. В шахтах, работали индейцы. Более привычные к тяжелому физическому труду, они долбили стены проходов, а выходцы из Германии занимались транспортировкой породы на поверхности и последующей промывкой. Добытые на болоте алмазы, пока хранили в тайне и в обработку, а тем

более на продажу не пускали. На алмазных копях, работали только индейцы из числа отобранных Гюнтером. Разведка в горах, позволила обнаружить предполагаемые Штоссом месторождения золота и платины. Хранилище в пирамиде, вход в которое был известен только компаньонам и верному индейцу, регулярно пополнялось сокровищами.

Штосс, еще раз совершил вояж в Боготу, выгодно продав через Смита несколько изделий из золота и первую партию обработанных изумрудов. Оформил все необходимые документы для регистрации акционерного горнодобывающего общества. Правда, географические координаты месторождения, он указал совсем другие. Но проверять никто не стал. В один из вечеров, Гюнтер встретился в своей съемной квартире, расположенной в невзрачном деревянном двухэтажном домике на окраине города, со Смитом.

— Что, решили приобщиться к цивилизации гер Штосс? — развалиясь в кресле и попивая бурбон, спросил Смит.

— Не так, чтобы очень Смит, вы понимаете, чем меньше информации — тем больше прибыль. Зачем нам толпы старателей, индейцев, правительственных чинуш. Все тихо и спокойно. Мы организуем ювелирный концерн. Фиктивные отчеты и бумаги не проблема. Вы, с вашим опытом и связями легко с этим справитесь. А выгода

прямая. Здесь не 100, не 150, здесь все 300 % прибыли. Я уверен вы уже это посчитали.

— Вы правы, мой загадочный и очень практичный немецкий друг. Таких камней, в такой оригинальной огранке, я никогда не встречал. А с изумрудами, я работаю не первый год.

— Огранка, это отдельный вопрос. Ее придумал не ювелир, а физик. Да именно физик — Вайс Ланге, не удивляйтесь. Он иначе смотрит на прохождение света, через тело. Отсюда и новые формы. Я рад, что смог удивить вас.

— Но вы же не ребенок, Гюнтер. Появление нового продукта вызовет вопросы....

— Пускай. Через две недели, прибудет мой человек, а с ним тридцать проверенных солдат. Я смогу обезопасить наше предприятие. Когда слишком умные и любопытные лица, отправятся в мир иной, у других, желание совать нос в наши дела, отпадет само собой.

— Да! В решительности вам не откажешь. Вы немцы, порой слишком жестки в решении деловых вопросов.

— А вы? А ваши предки? Не вы ли уничтожили коренное население материка, заселив его всяким быдлом и отбросами общества?

— Ой, Гюнтер, ой.... Зачем так категорично. Ведь были и нормальные люди. Именно они дали рост банковским системам, производству,

промышленности. Ведь не уголовники же это все создали?

— Вы Алекс, просто не знаете, что могут уголовники. Да вы и сами не сильно от них отличаетесь. Или я не прав?

— Возможно, вы правы. Во мне смесь крови конокрадов, ковбоев, индейцев и прочих авантюристов, топтавших земли Северной Америки.

— Вот и славно. Мораль вам чужда. А это главное. Сегодня мы зарегистрировали акционерную компанию «Аш-Си-Аш компани», все поровну, все честно. Мы получили по 31.6 % акций. Пять процентов достались колонистам.

— А нельзя ли было обойтись без этих пяти процентов?

— Пока нельзя. Но не переживайте. В Европу они не уйдут, в случае смерти акционеров, право на первоочередное приобретение их акций остается за нами. Все началось здесь. Все здесь и закончится. И вот еще....

— Что?

— Я дам вам образцы, а вы должны узнать, что они собой представляют. Странные камни. Минерал, которого я никогда не встречал. Черный смолистый, очень тяжелый. С оранжево зеленым налетом, на сколах черный. В Южной пирамиде, мы нашли две скульптуры из этого минерала. Черные

монстры в оранжевых и зеленых чешуйчатых пятнах. В виде трехглавых драконов. Они установлены в коридоре, ведущем глубоко внутрь. Проход был закрыт толстыми каменными блоками. А эти два чудища, стояли перед ними. На полу валялось с пару десятков скелетов.

— И что, вас это тревожит?

— Представьте себе да. Отдельные кирпичи, изготовленные из этого минерала, встречаются в древних постройках. В закрытом коридоре, я обнаружил три материковых жилы. Сплошь из этого минерала. Следы выработки, на полу коридора. И он очень тяжелый. Но больше всего, меня беспокоит склад под Северной пирамидой. Там хранится сотни три металлических шестигранных «карандашей» серого цвета, с таким же окислением. У меня есть на этот счет свои догадки, но необходимо научное подтверждение. А теперь скажите мне Смит, зачем инкам или майя, кто бы там не жил, эти запасы? Что они делали с минералом? Как получали из него металл? Для чего использовали «карандаши»? Не Кортес же со своей бандой изваял эти безупречные по своей форме стержни.

— Я узнаю. У меня есть связи в научных кругах, — улыбнулся Алекс. — Для такого партнера как вы я в лепешку разобьюсь!

Допив виски, он поднялся и, попрощавшись,

ушел нагруженный драгоценными камнями и образцами загадочного минерала.

Проводив гостя, Штосс соорудил себе бутерброд из серого хлеба, холодной баранины и вареных яиц, с удовольствием его съел и, переодевшись в выходной костюм, вышел из дома. Пройдя пол квартала, он наконец-то нашел извозчика. Запрыгнув в жалобно скрипнувшую рессорами коляску, приказал везти его в центр. Сегодня Штосс решил устроить себе небольшой праздник и провести вечер в столичном варьете. Черный костюм, отененный белоснежной рубашкой, великолепно сидел на его высокой широкоплечей фигуре. Черный стетсон, украшенный серебром и рыжие ковбойские сапоги на высоком каблуке, дополняли его наряд, делая неотразимым кавалером в глазах местных красавиц. Он по праву заслужил небольшое поощрение в виде вкусного ужина и ночных утех в компании одной из танцовщиц.

Бостон, июнь 1905 года

— Ты с ума сошел Смит. Ты сколько это держал при себе?

— Девять дней в пути и ни дня больше. Потом банковская ячейка, откуда вы все это и забрали. А что здесь такого страшного? Что вас испугало?

— Испугало? Да нет, пока не испугало. Просто этот минерал радиоактивен. Это новое направление в физике. Им сейчас вплотную занимаются в Европе супруги Кюри. Но таких образцов нет ни у кого. Похоже на промышленную обработку. Заметьте очень точную обработку. Размеры стержней, идеально точны и совпадают между собой. Где вы их взяли?

— Это секрет профессор. И не только мой секрет. Будет интерес, привезу еще.

Смит, откинувшись в кресло и протянул руку к стакану с шотландским виски. Напротив него, в таком же кожаном массивном кресле, профессор кафедры экспериментальной физики, Бостонского университета, Марк Вайзинг, перебирал бумаги, сравнивал данные, бегло делал пометки карандашом, на полях.

— Это совершенно новое и очень перспективное направление. Но все новое, представляет всегда опасность. Так считает даже восходящее светило европейской науки — Эйнштейн.

— Я буду осторожен Марк.

— Надеюсь.

Через два часа, Смит в офисе «Аш-Си-Аш компани», встретился с представителем известного семейства ювелиров Ашером Абрамзоном. Абрамзону, на вид было лет пятьдесят не больше,

хотя на самом деле он подбирался к седьмому десятку. Невысокого роста, плотный, с сильными руками, он своим внешним видом производил впечатление фундаментальности, незыблемости. Густая шевелюра, усы и небольшая борода, были лишь слегка тронуты сединой. Горбатый мясистый нос и густые, пышные черные брови, сросшиеся на переносице, немного портили его лицо, но их хозяину были чужды людское мнение и веяния моды. Исходя из размеров его состояния, он мог себе это позволить. Его предок, польский еврей, прибыл в Америку на одном из первых пароходов с переселенцами и, добравшись до Бостона, осел здесь. В нагрудном мешочке, он привез два десятка изумрудов, с которых и начал свой нелегкий путь в новой стране.

Вручив почтенному еврею, которого знал весь ювелирный свет Америки и Европы, стакан неизменного бурбона, уставший Смит, упал в кресло.

— Извините почтеннейший Ашер, я чертовски устал. Долгий переезд. Документы, клиенты, поставщики. Очень устал.

— Это не удивительно Алекс. Вы все очень спешите. Все боитесь опоздать. А мы евреи, никуда не торопимся. После того, как Моисей сорок лет водил нас по безжизненным землям Синая, мы поняли — спешить незачем, да и некуда. От

мирского не уйдешь и место на кладбище все же найдется. Не зависимо от того — быстро жил ты, или медленно. Сколько денег успел скопить и успели пожить в свое удовольствие. У могилы нет карманов, а ощущение жизни из-за постоянной суеты и погони за прибылью — теряется. Теряется вкус жизни, мой друг. И никакие деньги, никакие барыши, не в силах его вернуть, — он поставил стакан на низкий столик. — Вы же знаете, что я не люблю виски....

— Извините, извините! Привычка.

— Вот, вот привычка. А я мог бы и обидеться. Мы работаем с вами не первый год, и вы постоянно суете мне стакан этого пойла.

— Господи, да я и не думал вас обидеть. Я действительно устал, а из всех тех с кем я встречаюсь, всего два еврея. Из которых не пьете виски только вы. Ради всего святого, сделайте для меня поблажку.

— Сделаю. Вы просто молоды и не понимаете, что уважение к клиенту это основа торговли. Вы можете не позавтракать, пропустить свидание с любовницей, но вы должны помнить, когда у ваших клиентов день ангела, юбилей свадеб, дни рождения жен, детей. Что они любят пить, есть. Каким сигарам отдают предпочтение. Вы должны знать их любимый клуб и как зовут парикмахера их жены. Клички любимых собак и

лошадей. Нравится вам это, или нет, но вы все это должны знать и помнить, если хотите остаться в большом бизнесе. Здесь таких мелочей не прощают. Здесь все знают обо всех всё. Здесь умеют прощать человеческие слабости, но не невниманье к клиенту или деловому партнеру, но в первую очередь к клиенту. Тем более в таком бизнесе как ювелирные украшения.

— Спасибо Ашер, я запомню.

— Вот и хорошо, — Абрамзон взял стакан с виски, хитро улыбнулся и сделал глоток. — Вот вам урок. Я не переношу это пойло, но уважаю ваше старание сделать мне приятное, оказать знак внимания, не смотря на вашу усталость. Я ценю это. Но я не люблю виски.

— Я понял вас, — с трудом сдерживая раздражение, улыбнулся Алекс.

— Теперь о деле. Я забираю все три гарнитура и подвески. Работа изумительна и нова. Где вы нашли такого мастера? Его работы не похожи ни на одну из ныне действующих ювелирных школ. Это не Европа и уж тем более не Америка.

— Это Америка, только Южная. Мастер и его дочь индейцы майя. Да, да! Не удивляйтесь. Вот откуда их мотивы и великолепная фантазия.

— Отлично. Что-то такое я себе и представлял. Майя так майя. Это кто-то типа вездесущих румынских цыган?

— Нет, это представители коренного народа тех земель, где добыто золото и камни.

— Ну, пусть будет коренным народом. Неважно. Его предыдущие работы ушли с аукциона в Гамбурге за сумасшедшие деньги. Русская княжна и английская герцогиня, чуть не подрались за право приобрести этот лот. Было смешно. Но вам пора расти, мой мальчик. Пора заявить о себе. Я выделю часть средств из своего бизнеса. Мы объявим о рождении нового ювелирного дома: «Ашер и Алекс изумрудные короли». Как вам такое?

— Мне кажется, слишком громко....

— Как ты лодку назовешь, так она и поплывет. Благодаря тебе, тридцать процентов, официально добытых изумрудов в Колумбии, скупаем мы. Плюс твое полулегальное предприятие, с этими немцами. Нам пора начать работать вместе. И еще.... Я вот о чем подумал. На днях, моя дочь Керен, возвращается из Лондона. Она окончила учебу и теперь готова выполнить волю отца и продолжить наш род. Я думаю для вас обоих это выгодная партия. А для нас гарантия успешного бизнеса.

— Ашер, это весьма неожиданное предложение, даже неожиданней «королей». Я должен подумать.

— Думай. Она прибывает пароходом в конце недели. Керен стала красивой девушкой, я уверен

она тебе понравится. И так, через четыре дня она будет в Бостоне. Я считаю, этого вполне достаточно для принятия решения. Но.... Это только если ты серьезно хочешь войти в наш бизнес. И еще. То золото, из которого сделана основа гарнитура?

— Из тех же мест. А что, с ним проблемы?

— Нет. Просто у него выше удельный вес и более насыщенный цвет. Какова себестоимость добычи и производства слитков?

— Треть, от затрат, на стандартном золотодобывающем предприятии. А вес может колебаться из-за примесей платины. Меня мой компаньон об этом предупреждал.

— Великолепно. Просто великолепно. Думай Алекс. Такой шанс дважды не дается. Не провожай меня, — Абрамзон, легко поднялся из кресла и, не прощаясь, вышел из офиса.

Через месяц сыграли свадьбу. Шею невесты украсило золотое ожерелье, с великолепными изумрудами. Алекс, исполнив супружеский долг, дождался признаков беременности жены и отбыл в Южную Америку, в привычную для него обстановку сельвы, красной раскисшей земли и смуглых дочерей племени майя. Юная жена, хоть и оказалась красивой, милой и нежной, но в постели вела себя вяло. Во всем подчиняясь мужу и не проявляя ни малейшей фантазии, она быстро наскучила темпераментному потомку ковбоев.

Смиренно приняла она участь продолжательницы рода, развлекая себя игрой на пианино и светскими беседами с дочерьми столпов Бостонской бизнес элиты.

Междуречье Ваупеса, Апапорис, граница Колумбии и Бразилии, декабрь 1905 года

Первые признаки беды, проявили себя в начале декабря 1905 года. Незвестная болезнь, начала косить ряды колонистов. Первыми признаками, стали слабость и тошнота у старателей, работавших в шахтах Южной пирамиды. Половина рожденных в семьях старателей детей, появилась на свет с физическими отклонениями. Доктор Лейнц, сбился с ног в поисках лекарств от неизвестной хвори. Вместе с проводниками он посетил селения проживавших по берегам Ваупеса индейцев. Но ни местные шаманы, ни современные средства не давали положительных результатов. Пастор служил одну службу за другой, но от этого тоже было мало толку. Эпидемия разрасталась.

В один из дней, в кабинет к Штоссу, влетел без стука один из его индейцев-помощников. Курт — как окрестил его Гюнтер, потому, что выговорить настоящее имя индейца и не поломать язык, было невозможно. Курт, на одном дыхании выпалил, что к ним прибыла делегация индейцев,

во главе с вождем и ждет их внизу у начала подъема на плато.

Быстро собравшись Штосс, стремительными шагами пошел за проводником. Его тоже обеспокоила эпидемия неизвестной болезни. И он связал приход индейцев с желанием помочь колонистам. За все время их пребывания здесь, они ни разу не вступали в конфликт с оседлыми племенами сельвы. Не обменивались с ними товарами и продуктами. Изредка охотничьи и разведывательные отряды, возвращаясь в поселок, приносили сведения о встречах с аборигенами. Но это было все. Больше никаких контактов не было.

Крикнув начальнику охраны Болзену, чтобы тот присоединился к ним, Гюнтер, не снижая темпа, проследовал к месту встречи. Вождь — пожилой мужчина, высокого роста, с длинными седыми волосами и белой аккуратно подстриженной бородой, в своем парадном убранстве был великолепен. Золотой узорный обод, украшал седые прямые волосы головы. Запястья рук и голени украшали широкие золотые браслеты. Широкий пояс из наборных золотых пластин, опоясывал его талию. Так, наверное, выглядели его далекие предки, во время первой встречи с испанскими конкистадорами. В левой руке, вождь держал тяжелое копье, с резной рукоятью и бронзовым наконечником. В правой руке он держал,

небольшую анаконду с отрубленной головой. Из одежды на вожде была короткая куртка без рукавов из шерсти ламы и короткие штаны, из светлой расшитой вручную материи. Рядом с вождем стояли шесть воинов, три индианки и индеец из местного племени, живущего на берегу реки. У ног индейцев стояла грубая керамическая утварь, наполненная зерном, фруктами и золотыми украшениями. Гюнтер отметил разительное отличие внешнего вида вождя, от его сопровождающих. Он совершенно не походил на индейцев. Правильные, европейские черты лица, голубые глаза. Крепкое телосложение и высокий рост.

Признав в Гюнтере равного себе по положению, вождь заговорил, а индеец начал переводить. Курт, выслушав индейца, перевел его речь на немецкий, который блестяще освоил, за время работы с Штоссом.

— Великий сын Бога Солнца, приветствует тебя белый человек на землях своих предков. Всемогущий Бог, не возражал, когда вы поселились на этой горе. Здесь всегда жили великие люди. В давние времена, здесь жили предки вождя. Ими руководили истинные сыны Бога Солнца. Они учили предков вождя разным наукам, говорили, когда засеять семена, когда убирать урожай. Они берегли мир и не пускали сюда злых людей. Под их руководством, предки вождя, воздвигли эти храмы

знаний. Один из храмов построен над местом, где живут злые духи. Он запирает их дверь и не выпускает на поверхность. Но потом по повелению Бога Солнца предки вождя оставили эти места, а его дети умерли и по их приказу, тела были захоронены у северного окончания плато. С тех пор, в тех местах люди начали находить, прозрачные камешки, которые они называют слезами Бога. Зеленые камни, которые вы нашли под землей, это слезы умерших душ его предков.

Тут вождь оживленно стал жестикулировать и размахивать копьем, как бы протыкая Штосса и его спутников. Потом из складок одежды достал пригоршню необработанных алмазов и изумрудов и бросил их под ноги геолога. Так же внезапно успокоившись, вождь продолжил. — Ваши люди, осквернили эти места, став собирать камни. И они выпустили злых духов. Теперь, все кто останется здесь умрут. Вы не сделали ничего плохого его племени, поэтому в знак мира и добрых намерений вождь оставляет вам дары и трех своих дочерей. Если вы захотите уйти, женщины покажут вам дорогу к новому месту, где могут жить люди. И еще он просит разрешения собрать плоды с божественных деревьев, — перевел индеец.

Используя помощь двух переводчиков, Штосс принял подарки, поблагодарил вождя и поинтересовался, зачем ему плоды папоротников.

Оказалось, плоды нужны были для зелья, которое готовят в индейской деревне и принимают его в ритуальные дни. Так завещали Боги. Но раз на плато живет Штосс и его люди, индейцы без их разрешения не могут подойти к деревьям.

Смутные сомнения закрались в мысли Штосса. Он поинтересовался о возрасте вождя и подаренных девушек. Получив ответ, он разрешил собрать плоды, дал команду отнести подарки и ушел к себе. Войдя в кабинет, геолог засел за расчеты. Индейцы использовали систему исчисления на основе лунных циклов. Это он понял при исследовании внутренних помещений пирамид. Составил сравнительную таблицу и в свободное время частенько занимался расчетами, отмечая любые явления по лунному календарю. От вычислений его отвлек Болзен.

— Что с девками делать гер Штосс?

— А? С какими девками?

— Ну, с теми, что этот клоун ряженный нам подарил.

— Ничего пока с ними не делай. Найди им помещение, где поселить, при больнице что ли, там от них хоть какая-то польза будет. А одну приведи сюда и Курта позови.

Болзен, тяжело ступая огромными сапожищами, вышел из кабинета, а Гюнтер вернулся к расчетам.

Он несколько раз проверил свои выкладки и, хлопнув в ладоши, улыбнулся. Зашла индианка, а следом за ней Курт.

Последний вопросительно взглянул на геолога.

— Ты сможешь с ней объясниться?

— Да гер Штосс. Я уловил наречие, на котором они говорят и смогу перевести.

— Тогда спроси у нее, сколько она родила детей и почему их привели к нам.

Курт залопотал, обращаясь к женщине. Та немного подумала, а затем показала четыре пальца и что-то ответила.

— У нее четверо детей. Было шесть, но два ребенка умерли. Одного съел крокодил, второго укусила змея. А к нам ее привели потому, что леопард загрыз ее мужа.

Гюнтер рассмеялся.

— Так я и думал. Вот старый козел. Как ты думаешь юноша, сколько ей лет?

— На вид лет двадцать пять. Индианки рано выходят замуж. В шестнадцать лет, по их понятиям девушка уже перезрелая.

— Двадцать пять! А пятьдесят восемь не хотел? Я посчитал по их календарю. Этой девке через два года шестьдесят, а выглядит как молодуха. Семена. Семена. Вот в чем секрет. Старому гомнюку в этом году исполнилось сто

сорок три года. А он ходит на своих двоих. Таскает тяжеленное копье и не пользуется костылями. Если бы не его патлы, я бы ему и полтинника не дал. Вот оно, Курт. Вот оно! Не зря Господь послал нас сюда, не зря. Оказывается дело не в минералах, а в этих деревьях. Я отправил образцы листьев в Америку и мне дали ответ, что эта срань никогда не росла на нашей планете. Даже во времена динозавров. Ты понимаешь, что это значит?

— Нет. Я только понаслышке знал о дереве сыновей Бога Солнца. И когда мы нашли его здесь, я был поражен. Так точно оно описано в древних преданиях.

— Догони этих клоунов и без эликсира не возвращайся.

— Я понял гер Штосс.

Индеец выскочил из кабинета. Штосс вышел из-за стола. Расстегнул ремень, бросил его на стол, вместе с кобурой и подсумком с инструментами, которые всегда носил с собой. Расстегнул брюки.

— Ну, что старушка, проверим, какова ты внутри? — улыбнулся Гюнтер, освобождаясь от брюк. Индианка не выказав ни малейшего удивления, освободилась от набедренной повязки и легла на пол, раздвинув ноги. Также молча, она приняла в себя напряженную плоть Штосса и, обхватив его спину ногами, ритмично задвигалась с ним в такт. Также молча, приняла в себя заряд

спермы и замерла на полу. Только тяжелое дыхание, колыхало ее большую грудь. Штосс освободившись от индианки, встал, подойдя к умывальнику, помыл член, вытер его полотенцем и, одевшись, уселся за стол. Никакой разницы между внешним видом женщины и ее внутренним строение он не обнаружил — Двадцать пять. Везде двадцать пять. С ума можно сойти.

Индианка поднялась с пола и замоталась в свою повязку. Гюнтер знаком показал, что она может идти. Но про себя отметил, что ночью нужно будет повторить эксперимент, но уже в более комфортных условиях. Женщина ему понравилась.

Под вечер он вышел из своего кабинета и пошел по плато. Из одиннадцати кустов «волшебного» дерева, индейцы собрали плоды только с пяти. Наверное, им этого было достаточно.

— Дети природы, черт побери, лишнего не возьмут, — закончив осмотр, рассмеялся Штосс.

Бостон, декабрь 1905 года

Беда пришла не только к поселенцам. Вернувшись из очередной поездки, Алекс, узнал, что его жена, находится в больнице. Врачи были сильно озабочены резким ухудшением состояния здоровья Керен. Приступы внезапной слабости, потеря сознания, кровотечение из носа. Все это

никак не вязалось с молодой и здоровой девушкой, которую Смит взял в жены. Его поразила неестественная бледность, темные круги под глазами жены, особо оттененные белизной больничной подушки.

— Прости Алекс, я создала проблемы всем. Не понимаю, что со мной. Доктор приписывает это беременности. Он говорит, что у нас будет двойня.

Пораженный болезненным видом жены, Алекс присел на кровать.

— Ни вини себя, ни в чем. Это я олух. Это мне нужно было бросить все дела и остаться с тобой, а не носится по горам, — в его душе шевельнулось какое-то ранее неизвестное трепетное чувство к этой юной женщине, в теле которой находилось сразу две новых жизни. У Алекса на глаза навернулись слезы. Он отвернулся, смахнув их рукавом пиджака.

— Боже, Алекс, ты плачешь? Тебе действительно жаль меня, ты действительно разделяешь мою боль? О, как я в тебе ошиблась. Я считала, что это просто взаимовыгодный союз. Я во всем привыкла подчиняться отцу. А сейчас.... Прости милый, я плохо о тебе думала.

Алекс повернул к Керен, наполненные слезами глаза.

— Поначалу это так и было. Ты не ошиблась. Но сейчас, когда я увидел тебя, такую

беззащитную, которая сама борется за две жизни наших с тобой детей, я все ощутил по-другому, — он наклонился к ней и поцеловал живот Керен, походивший на большущий арбуз, под больничной простыней. Прижался щекой. И вот в ответ на свой поцелуй, он ощутил в животе легкое шевеление. На глаза снова навернулись слезы.

— Керен, они чувствуют меня, они мне ответили, — возбужденно проговорил он.

Жена улыбнулась ему, и погладила рукой по щеке.

— Конечно, они тебя чувствуют, ведь ты их отец.

В палату зашел доктор.

— Извините мистер Смит, нам пора заняться процедурами, вы сможете навестить свою жену завтра.

Нежно поцеловав Керен, Алекс, пятясь, вышел из палаты, не отрывая от нее взгляда. В коридоре его ждал тесть. Он приветственно обнял зятя и взяв под руку, увлек по больничному коридору к выходу из больницы.

— Я вижу, ты расстроен?

— Да, не ожидал, что вот так все сложится.

— Ничего страшного. С женщинами это бывает. Тяжелая беременность. А она девочка хрупкая. Зато двойня. Поэтому держись. Все будет хорошо.

— Я не сомневаюсь. Просто нужно было раньше мне сообщить.

— Алекс. Все в порядке. Успокойся. Твою семью ждет прекрасное будущее, но для этого, нам придется потрудиться. Что там с твоими партнерами?

— По работе в нашем направлении сбоев нет.

— А где есть?

— Да хворь там, на поселенцев какая-то напала. Врачи разбираются. Но по нашему направлению, работают индейцы. И с ними все в порядке.

— Прекрасно. Что с ювелирами?

— Мы взяли еще двух мастеров и парнишку ученика. Делает поразительные успехи. Последнее ожерелье вы видели. Это делал он сам. Мастер, только контролировал установку камней.

— Прекрасно, прекрасно. К Рождественской выставке в Лондоне, мы отправляем новую коллекцию. Сколько изделий ты привез.

— Пятнадцать. Как и договаривались.

— Пятнадцать и три оставшихся от прошлых торгов. Замечательно, мой мальчик. Замечательно. Пароход через два дня. С нами поедут три детектива из частного охранного агентства «Пинкертона».

— Я не поеду. Я останусь с Керен. Если вы не станете возражать. Поездка займет два месяца. Мы

можем не успеть вернуться до родов.

— Наверно ты прав. Но я остаться не могу. Кто-то из нас должен лично присутствовать на торгах. Тем более это такая возможность заключить новые контракты.

— У вас больше опыта.

— Да, это так, но тебе тоже пора приобщаться к торгам. Пора познакомиться с воротилами ювелирного бизнеса, с нашими конкурентами. Я бы очень хотел познакомить тебя с представителями наших основных клиентов. Это как ты знаешь особы королевских кровей. Белая кость, элита общества.

— Вот дети родятся, и я все наверстаю.

— Хорошо мой мальчик, хорошо. В этом я с тобой полностью согласен.

Лондон — Париж, декабрь 1905 года

В пасмурный декабрьский день, Ашер Абрамзон, нервно курил одну сигарету за другой, стоя у открытого окна, в кабинете заместителя главного распорядителя аукциона «Кристи-с», в офисе, расположенном на Кинг-стрит, близ Сент-Джеймского дворца в Лондоне. Известие, которое сообщил ему сер Уэйд, потрясло, пожилого ювелира. Ему отказали в участии в аукционе.

— Пойми, после этих слухов, никто не

рискнет выставить на торги ваши изделия. Ни мы, ни «Солтбис». Тем более, что большинство слухов подтверждены. И задели они не простых граждан, а элиту Европейского общества. Один случай смерти и шесть связанных с заболеваниями. У дочери Купта, выпали все волосы. А в его банках, хранит деньги половина Европы. Я бы советовал вам, встретится с этими учеными. По моему муж и жена Кюри. Именно они высказали дельную мысль, по поводу всех этих заболеваний. Возможно, они помогут рассеять недоверие к вашим украшениям и прояснить загадочное происхождение болезней.

— Это крах. Джеральд. Это крах, — Ашер принял бокал с коньяком. Сделал глоток. — Людское мнение не переубедить. Спасибо тебе за поддержку, старый друг.

— Не стоит благодарить, Ашер. Ты все равно бы об этом узнал завтра из газет.

— Завтра я буду уже во Франции, — Абрамзон, поставил бокал на стол. Потушил в пепельнице недокуренную сигарету, пожал руку серу Уэйду и покинул здание.

Дневным поездом он выехал в Дувр. Там сев на попутный сухогруз, вместе с тремя детективами отправился в Дьепп. В Дьеппе, они опоздали на поезд до Парижа. Пришлось ночевать в привокзальной гостинице. Вняв уговорам сопровождающих, Ашер, через силу поел. Из

головы не выходили слова Уэйда: «— У дочери Купта, выпали волосы.... По моему муж и жена Кюри. Именно они высказали дельную мысль, по поводу всех этих заболеваний. Возможно, они помогут вам....». Он с ужасом подумал о Керен. Ожерелье, подаренное на свадьбу. Она носила, его, не снимая....

Утренним поездом, они отправились в Париж. В купе, Абрамзон, немного успокоился, выпил кофе с коньяком, но от еды отказался. Париж встретил их дождем. На двух крытых пролетках, они прикатили к неказистому домику, где располагалась лаборатория супругов Кюри. У входа их встретила худощавая высокая женщина, назвавшаяся Марией. Мария приветливо пригласила их в здание, провела в кабинет, внимательно выслушала Ашера. Позже к ним присоединился ее муж Пьер и мужчина по имени Анри. Они с интересом выслушали пожилого ювелира, получили от него коробки с драгоценностями и ушли в лабораторию. Молчаливый охранник последовал за ними. Потянулось многочасовое ожидание.

Наконец поздним вечером, в кабинет зашел Пьер, на ходу снимая высокие резиновые перчатки и длинный, до пола, прорезиненный фартук. Следом за ним зашел детектив. Ашер с надеждой взглянул на ученого.

— К сожалению, наши подозрения

подтвердились. Все ваши украшения, имеют в своем составе примеси урана. Так же как и в ранее исследованных образцах. Непонятно, как эти два элемента смогли соединиться на молекулярном уровне. Похоже, один долгое время воздействовал на другой. Это возможно, если месторождения находятся рядом. В непосредственной близости. И возможно, что располагаясь на определенных участках тела человека, это излучение действует на внутренние органы, тем самым вызывая заболевания. В основном, все заболевания связаны с нарушением функций работы щитовидной железы. Лекарства от этого пока нет. И мы даже не уверены в своих выводах. Поймите, мы только в начале пути. И природа радиоактивности изучена, слишком мало. Мы знаем, что эти лучи способны проникать через различные материалы. Поэтому, человеческая кожа не составляет для них преграды. Больше, к сожалению, мы вам ничем не сможем помочь. У нас слишком мало знаний. Но если вы хотите, мы могли бы приехать к вам и поработать непосредственно на руднике или россыпях. Тем более, очень интересно было бы осмотреть само месторождение, чтобы определиться на месте.

— Спасибо, господин Кюри. Я до завтра останусь в Париже. Днем, я сообщу вам о своем решении, — Абрамзон, тяжело поднялся и в сопровождении охраны, вышел из здания

лаборатории.

На следующее утро, Абрамзон был обнаружен детективами в снятом им номере. Он неподвижно сидел в кресле, глядя в окно. На столе стояла наполовину пустая бутылка коньяка. Пустой бокал. Пепельница с тремя окурками от сигар. Вызванный врач, констатировал — смерть от инсульта. Тело умершего ювелира по распоряжению сера Уэйда, было подготовлено к долгому пути в Америку. Он приехал проводить старого друга. В Бостоне, куда доставили тело Абрамзона все те же детективы, похороны организовали члены еврейской общины. Дочь Ашера, Керен, скончалась. Детей спасти не удалось. Обезумевший от горя Алекс, ушел в запой, оставив все дела на семейного адвоката. Ознакомившись с подробным отчетом детективов, он распорядился выплатить им премиальные, а сам, бесследно исчез в Амазонской сельве.

Богота, февраль 1906 года

В конце февраля 1906 года, в номере дешевой гостиницы, встретились Алекс и Гюнтер. Штосс выразил свои соболезнования американцу. Выслушал рассказ компаньона. Особенно его заинтересовал отчет детективов о посещении лаборатории Кюри. Он несколько раз прочитал заполненные машинописным текстом листы. Потом

налил себе виски, взял стакан, подошел к окну.

— Очень странные вещи с этим золотом и излучением. А выводы ученых, по минералу?

— Это уран.

— Процентное содержание минерала? Они сказали, сколько оно составляет?

— Да, восемьдесят пять процентов в образце и девяносто семь процентов в стержне. Очень высокий уровень излучения. Но там еще какой-то минерал. Не помню. А отчет я потерял, мне тогда было не до бумаг.

— Все понимаю и не осуждаю тебя. Ты понес очень большие потери. Я право удивился, увидев тебя здесь.

— А куда мне идти Штосс? У меня никого нет.... Снова к индейским женщинам или к этим мексиканским шлюхам? После того, как я щекой ощутил биение своего ребенка в животе Керен? После того, как потерял их всех? Нет. Я не смогу.

— Я не говорю, что снова к шлюхам. Ты очень богат. Наше предприятие, ювелирная империя твоего покойного тестя. Пройдет время, ты найдешь нормальную женщину. Снова создашь семью. Ты ведь молод, а время лечит.

— Я чувствую себя глубоким стариком, Гюнтер. Во мне как будто, что-то перегорело. Такое впечатление, что с ней, умерла часть меня. А ведь я поначалу даже не любил ее. Вот как бывает. Может